

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. Г. БОКЩАНИН, *Парфия и Рим*, ч. I, 1960; ч. II., 1966, М., Изд-во Московского ун-та.

Шесть лет отделяют выход в свет второй части монографии А. Г. Бокщанина от опубликования первой ее части. Может быть, и не следовало бы напоминать об этом значительном хронологическом разрыве, если бы не одно обстоятельство. В эти годы появились рецензии, оценивающие по первой части всю монографию. Например, в рецензии, опубликованной в ВДИ (1962, № 3), указывалось, что «сопоставление содержания книги с ее заглавием и определением цели исследования вызывает некоторое недоумение даже при учете того, что настоящая книга является лишь частью задуманного труда. Основная цель исследования — изучение взаимоотношений Парфии и Рима даже не затрагивается». Вряд ли такое замечание могло бы возникнуть, если бы рецензенты могли видеть труд в целом. Исследование взаимоотношений Парфии и Рима, как это ясно теперь, составляет основу монографии. Ему посвящены семь глав из десяти. Тем самым отпадает упрек в несоответствии заглавия книги ее содержанию. Монография имеет хорошо продуманную, стройную структуру. Система взаимоотношений Парфии и Рима служит основным стержнем, вокруг которого развернута широкая картина социально-экономического и политического развития Средиземноморья и Переднего Востока.

Советские ученые занимаются историей Парфии уже давно. Упомянем работы Н. В. Пигулевской, К. В. Тревер, Ю. А. Солодухо, О. В. Кудрявцева, М. М. Дьяконова, М. Е. Массона и других исследователей. За последние шесть лет появился ряд новых обстоятельных исследований в этой области¹.

¹ И. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, *Парфянское царское хозяйство в Нисе I в. до н. э.*, ВДИ, 1960, № 2; И. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, *Документы из Нисы I в. до н. э.* Предварительные итоги работы, М., 1960;

Возрастающий интерес к истории Парфии связан, в частности, с наличием на территории нашей страны археологического и эпиграфического материала парфянских центров. Советские исследователи могут работать с материалом, добытым непосредственно из археологических раскопок, а не взятым из вторых рук. Изучение истории Ирана в парфянское время становится особой отраслью нашего востоковедения, набирающей силу и приобретающей международный авторитет.

В исторической литературе существует традиционная, восходящая еще к Геродоту, проблема отношений Запада и Востока. В новое время к этой проблеме обращался Гегель, чья схема отношений Востока и Запада была воспринята наукой XIX века и варьировалась вплоть до наших дней. Автор рецензируемой работы стремится покончить с этими историко-философскими спекуляциями, используя все богатство фактического материала, которым располагает современная наука. Задачи автора здесь особенно сложны, поскольку характер древневосточных общественных отношений еще не вполне ясен, как это показали недавние дискуссии об азиатском способе производства.

Обширное введение посвящено общим соображениям о сущности проблемы, а также истории изучения Парфии и римско-парфянских отношений в древности

М. М. Дьяконов, *Очерк по истории древнего Ирана*, М., 1961; М. Е. Массон, *К вопросу о возникновении Парфянского государства*, «Известия АН ТуркмССР», серия общ. наук, 1962, № 5; Г. А. Кошленко, *Культура Парфии в современной зарубежной литературе*, ВДИ, 1962, № 3; он же *Парфянская фортификация*, СА, № 2; он же, *О внутриаполитической борьбе в Парфии*, ВДИ, 1963, № 3; он же, *Архитектура и жилище греческих городов Парфии*, «Античный город», М., 1963.

и в новое время. А. Г. Бокщанин весьма обстоятельно показывает, как увеличивался круг источников с развитием археологических исследований, а также как сказались на разработке материала этой темы европоцентризм, модернизация и другие пороки, присущие буржуазной идеологии.

В монографии дается оценка достижениям дореволюционной русской науки в разработке истории Ирана и Парфии и их взаимоотношений с Римом. С выводом автора — «наследие русской дореволюционной науки в области истории Ирана следует признать частично более интересным, чем результаты работ западно-европейских исследователей» — можно согласиться. Но вывод этот заслуживает более детального обоснования. Характеризуя изучение в советской историографии взаимоотношений древнего Ирана с античным рабовладельческим обществом, автор рассматривает не только специальные работы, но и общие курсы, показывает значение археологических изысканий советских ученых в Средней Азии.

Давая положительную оценку критической направленности монографии, стремлению ее автора выявить фальсификаторские тенденции в работах буржуазных ученых, следует все же указать, что в ряде случаев подход автора к рассматриваемым работам односторонен. Автор не всегда учитывает вклад, внесенный критикуемыми трудами в науку, достижения предшественников. Так, например, следовало бы указать, что Ф. Альтхайм при всех свойственных его методологии недостатках (см. т. I, стр. 20) является решительным противником европоцентризма, что он вводит в научный оборот ряд новых источников.

Широкой постановке проблем, охватывающих историю огромных территорий на протяжении многих столетий, соответствует большой объем и немалая сложность используемых автором источников. Всего полное охвачено автором античная традиция. Наряду с общеизвестными произведениями историков и географов автор с большой тщательностью собирает сведения, разсыпанные в сочинениях римских поэтов и ученых, христианских писателей. Следует особо отметить использование А. Г. Бокщаниным переписки Цицерона. Ни В. В. Бартольд, ни М. М. Дьяконов не упоминают об этом важнейшем источнике наших сведений о римско-парфянских отношениях.

В использовании А. Г. Бокщаниным античной традиции мы можем отметить лишь незначительные упущения. Автор не использовал биографию Аполлония Тианского, написанную в начале III в. Филостратом. Рассказывая о путешествии Аполлония по странам Переднего Востока, Филострат сообщает любопытнейшие подробности быта и религии парфян в I в. н. э. (т. е. в годы жизни Аполлония).

Интересные данные содержит описание Парфии Исидора Харакского (I в.), по-видимому, восходящее к официальным источникам. Этот небольшой труд дает не только представление о сети дорог Парфии, но в известной мере о политическом устройстве Парфянской державы. Важно и описание парфянской войны при Траяне византийским хронистом VII в. Иоанном Малалой, пользовавшимся, как это доказано Леппером, утраченной «Парффикой» Адриана².

Следует заметить, что изложение истории Парфии с одновременным использованием античных и восточных источников представляет задачу огромной, вряд ли преодолимой в наше время трудности. Арабские, армянские, сирийские, иранские и китайские источники пользуются различными терминами и этнонимами. Список парфянских царей у восточных авторов отличается от того списка, какой получен на основании греко-римских источников и парфянских монет. Результатом всего этого оказывается стремление многих современных историков Парфии отстраниться от изучения восточных авторов, попытки бездоказательно опорочить сообщаемые ими сведения.

А. Г. Бокщанин далек от подобного нигилизма. Он ссылается на сирийские исторические хроники, талмудические трактаты, исторический труд Моисея Хоренского. Однако в части использования восточной литературы монография имеет и пробелы. Ряд данных можно было бы извлечь из трудов Аль-Бируни и некоторых других арабских хронистов (Аль-Табари, Масоуди). Желательно было бы сверить бичуринские переводы китайских текстов хотя бы с новейшими их переводами на европейские языки.

Автор справедливо указывает на огромное значение археологических данных для проблематики исследования (стр. 7, 82). Однако очерк археологических раскопок и добытых ими результатов весьма сжат, конспективен. А. Г. Бокщанин перечисляет раскопки Гатры, Селевкии на Тигре, Дура-Европос, Нисы, Антиохии Маргианы, Гарнея. Следовало бы рассказать также о раскопках в Кух-и-Ходжа, вскрывших огромный дворец на территории Сакастана, об открытиях в Ашуре парфянского времени. В характеристике значения археологических данных также упущен ряд существенных моментов. Археология позволила установить преемственность идеологии и культуры отдельных частей Парфянского государства с идеологией и культурой эпохи Ахеменидов. Без археологических данных невозможно рассмотрение проблемы взаимодействия кочевых и оседлых племен, которое играло столь важную роль в судьбах государств Передней Азии. Последние

² F. A. Lepper, *Trajan's Parthian War*, Oxf., 1948.

археологические исследования помогли выявить характер градостроительства и фортификации древних парфян³.

Заставляет желать лучшего использование нумизматического материала, в особенности относящегося к истории Парфии и Греко-Бактрийского государства (подробнее см. ниже). Воспроизведение монет в тексте монографии не всегда сопровождается их анализом. Данные нумизматики дополняются сфрагстикой. К парфянскому времени относятся не только печати из Нисы, но и близкие к ним геммы из Мерва⁴. Распространение печатей служит свидетельством расширения института частной собственности, кроме того, как правильно указывает автор (стр. 80), «они дают некоторые детали по бытовой истории парфянского общества».

Вторая глава «Некоторые характерные черты восточно-эллинистических государств», несмотря на значительный объем, рассматривается самим автором лишь как «обоснованное историческое введение», позволяющее уяснить основные вопросы исторического развития азиатских областей эллинистического комплекса, на территориях которых впоследствии развернулась борьба Парфии и Рима. Значительная часть главы представляет собой разбор трудов зарубежных, русских и советских исследователей об эллинизме. Автор — решительный сторонник взгляда на эллинизм как на систему рабовладельческих отношений, сложившихся в Передней Азии в результате македоно-греческого завоевания. Никто, конечно, не может отнять у автора права придерживаться избранной им точки зрения, но следовало бы, нам кажется, отнестись с большей терпимостью к работам иного направления. Это относится к оценке концепции К. К. Зельина, бесспорной заслугой которого следует считать выявление слабых сторон предложенного А. Б. Рановичем определения эллинизма⁵.

Одним из наиболее сложных вопросов в комплексе проблем, связанных с возникновением Парфянского государства, является хронология событий. Некоторые исследователи смотрят весьма пессимистически на возможность разрешения этой хронологической загадки и полагают, что детальное описание событий

при нынешнем уровне знаний невозможно⁶. А. Г. Бокщанин принадлежит к числу тех исследователей, которые считают, что вопрос о времени возникновения Парфянского государства вполне разрешим на основании критики имеющихся источников⁷. Связывая известие о восстании в Парфии с событиями в «западной части эллинистической системы» (с так называемой «войной Лаодики»), А. Г. Бокщанин датирует возникновение Парфянского царства 246/245 годом до н. э.

В главе, посвященной возникновению и развитию Парфянского государства в III—II вв. до н. э., А. Г. Бокщанин впервые касается истории Рима, говоря об его вступлении в «международную эллинистическую систему» (стр. 210). Рим характеризуется им как «эллинизованное государство». На страницах ВДИ уже высказывались сомнения в правомерности термина «эллинизованный»⁸. В применении своем к государствам, возникшим на территории Италии, термин этот наиболее уязвим. А. Г. Бокщанин считает, что эллинизованные государства существовали лишь в ту эпоху, которую мы называем эллинизмом. Но возникшие на территории Италии уже в VII—VI вв. до н. э. этрусские государства подверглись несколько не меньшему воздействию греческой цивилизации, чем Рим. Греческое влияние в Италии, проявившееся, в частности, в легенде об Энее, культе Аполлона и других греческих божеств (А. Г. Бокщанин приводит эти факты в подтверждение своего тезиса об эллинизованном государстве), древнее эллинизма. Следовательно, термин «эллинизованный» теряет всякую связь с эллинизмом и означает просто государство, подвергшееся влиянию эллинской культуры.

Используемый А. Г. Бокщаниным метод синхронного изучения политической истории Рима и эллинистических государств весьма плодотворен, отметим, в частности, попытку связать восстание в Сицилии с социальной борьбой в монархии Селевкидов, на наш взгляд, весьма плодотворную (стр. 244).

Детально рассматривает А. Г. Бокщанин обстоятельства, приведшие к расширению Парфянской державы и включению в ее состав Месопотамии. Автору

³ В. М. Массон, Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным, ВДИ, 1955, № 2; A. Simonetta, Notes on the Parthian and Indo-Parthian Issues of the First Century B.C., «Actes du Congrès International de Numismatique», II, 1957.

⁴ Г. А. Пугаченкова, Геммы из Мерва, «Известия АН ТуркмССР», 1957, № 3, стр. 66.

⁵ К. К. Зельин, Некоторые основные проблемы эллинизма, СА, XXII, 1955.

⁶ N. Debevoise, A Political History of Parthia, Chicago — Illinois, 1938; М. Е. Массон, К вопросу о времени возникновения Парфянского государства, «Известия АН ТуркмССР, серия общ. наук», 1962, № 5, стр. 3 сл.; Г. А. Кошелев, Культура парфян, М., 1966, стр. 14.

⁷ Fr. Altheim, Weltgeschichte Asiens im Griechische Zeitalter, I—II, Halle, 1948.

⁸ Н. Н. Белова, И. В. Пьянков, рец. на кн. А. Г. Бокщанина, Парфия и Рим, ВДИ, 1962, № 3, стр. 159.

удается разобраться в сложной системе взаимоотношений между эллинистическими государствами и выявить причины внутренней слабости державы Селевкидов. Успехам парфян способствовала также благоприятная для них международная ситуация на Востоке в середине II в. до н. э., выяснению которой посвящен раздел главы (стр. 223—232). Опираясь на данные античных авторов и нумизматики, А. Г. Бокшанин проследивает возвышение и гибель Греко-Бактрийского царства, а также выясняет политические выгоды, которые от этого получила Парфия.

Первая часть монографии завершается описанием грозных для монархии Селевкидов событий 129 г. до н. э., когда в Мидии было разгромлено войско Антиоха VII и Месопотамия на несколько столетий перешла в руки парфян. Дальнейшему развитию успеха парфянских завоевателей, по мнению А. Г. Бокшанина, помешало вторжение саков и вмешательство Рима, взявшего на себя роль защитника интересов господствующих слоев эллинистического общества.

Вторая часть монографии А. Г. Бокшанина открывается IV главой, посвященной возникновению великой парфянской державы и основным элементам ее политического развития во второй половине II и в начале I в. до н. э. Главный вопрос, который автор ставит перед собой (и в значительной степени решает). — это причины создания государства, где незначительная по численности парфянская родо-племенная знать, превратившаяся в крупных землевладельцев и рабовладельцев, могла осуществлять господство над массой многоплеменного населения. А. Г. Бокшанин проследивает не только кризис эллинистической системы в результате обострения классовой борьбы, но и такой важный фактор, как вторжение и расселение в восточной части Иранского нагорья больших масс кочевников, которое создавало предпосылку для образования новой общественной формации.

В следующей V главе автор обрисовывает политическую обстановку, облегчившую расширение владений и политического влияния Парфии и Рима и подготавлившую острый кризис в их отношениях. Подробно останавливается А. Г. Бокшанин на отношениях Рима с Понтийским царством (стр. 26—38). На первый взгляд может показаться, что характеристика этих отношений выходит за рамки проблематики исследования. На самом же деле, без глубокого понимания существа конфликта между Римом и Понтийским царством, всей дипломатической, военной и политической истории этого времени трудно будет понять последующее столкновение между Парфией и Римом. Парфия, может быть, следовало бы сказать об этом определеннее, была наследницей

уничтоженного римлянами Понтийского царства и вовсе не случайно, что первый серьезный конфликт между Римом и Парфией начинается сразу же после победы Рима над Митридатом VI Евпатором.

Центральное место в монографии не только по положению, но и по значению занимает VI глава, посвященная борьбе Парфии и Рима за гегемонию в Восточном Средиземноморье во второй половине I в. до н. э. Естественно, что главное внимание автор уделит военной авантюре Красса. Изложение этих событий существенным образом отличается от того, какое А. Г. Бокшанин дал в опубликованной много лет назад статье⁹. Автора интересует не только военная сторона конфликта, но и отношение различных прослоек римского общества к плану войны с Парфией. А. Г. Бокшанин выясняет не только причины поражения армии Красса, но военно-политические и психологические его последствия. Вопрос о численности армии Красса в войне 54—53 гг. до н. э. решается с привлечением не только всех сведений античных авторов, но и обширной литературы вопроса.

С такой же обстоятельностью, как о походе Красса, автор рассказывает о парфянской экспедиции Марка Антония, которой явно не повезло в нашей историографии. (Обычно внимание исследователей привлекает лишь столкновение Антония с Октавианом.) А. Г. Бокшанин не только дает детальный анализ литературных данных, на основании которого разворачивает ход событий, но и вскрывает объективные причины неудач римлян: римляне строили свои планы на устаревших данных греческих географов и историков прошлого, не учитывая глубоких изменений, происшедших в течение I в. до н. э.

Интересны соображения автора о влиянии парфяно-римских отношений на ход гражданской войны Юлия Цезаря с его противниками. Автор выясняет позицию различных слоев населения восточных провинций в отношении Парфии и Рима и приходит к заслуживающему признания выводу, что восточная политика римских лидеров в это время в значительной степени определялась политическими чаяниями эллинизированной знати стран Восточного Средиземноморья, стремившейся к восстановлению своего бывшего господства на территориях прежних эллинистических государств. В этой связи многое проявляется и в обстоятельствах гибели Гнея Помпея, лишенного благодаря своей близорукой политике поддержки эллинизированной знати (стр. 67—72), и в отношении Цезаря к восставшему Цецилию Басса, перераставшему в большую войну на восточных границах Империи (стр. 80). Не менее обстоятельно изложены А. Г.

⁹ А. Г. Бокшанин, Битва при Каррах, ВДИ, 1949, № 4, стр. 41 слл.

Бокщаниным и перипетии военной и дипломатической борьбы на Востоке после смерти Цезаря, приведшей к окончательному закреплению системы политического дуализма.

В изложении похода Антония на Армению (стр. 119) отсутствует историографический момент. Было бы интересным услышать мнение автора о трудах как зарубежных, так и советских армянских историков, уделявших внимание этому трагическому эпизоду в истории армянского народа.

Сколько-нибудь полное понимание всех линий римско-парфянских отношений и политической борьбы в Парфии немислимо без учета социально-экономического и политического развития парфянской державы. Этому развитию посвящена VII глава монографии, не только обобщающая материал источников, но и систематизирующая то, что было в этой области сделано советскими исследователями в последнее десятилетие. Хорошо освещено развитие земледелия, мерено полно — развитие ремесла и торговли.

Большого внимания заслуживает, на наш взгляд, железоделательное ремесло парфян. Состояние изучения этого вопроса в литературе позволяет считать, что парфянские металлурги обеспечивали железными изделиями не только район Аральского моря, но и предгорья Алтая¹⁰ и Китай¹¹. В этой связи интересно сообщение Плиния Старшего (NH, XXXIV, 41, 145) об использовании парфянского чистого железа серами. По мнению ряда исследователей, серы не китайцы, а предки обитателей нынешнего китайского Туркестана, также производившие шелк.

Основываясь на произведениях античных авторов и некоторых других источниках, А. Г. Бокщанин приходит к выводу, что к середине I в. н. э. Парфянская держава была скорее комплексом независимых царств, чем единым государством. В пользу этого заключения свидетельствует и нумизматический материал, к сожалению, не использованный автором. Еще в прошлом веке нумизматам была известна группа монет, типично парфянских по своему облику и весу. Они датируются последней третью I в. н. э. Лицо, выпускавшее эти монеты, именовало себя характерным для парфянских царей титулом «царь царей, великий Санабар». В списке парфянских царей нет Санабара. Историки терялись в догадках, пока не были произведены раскопки в Маргиане. Оказалось, что Санабар был правителем Маргианы и некоторых других областей

Парфии. То, что правитель области присвоил себе титул «царя царей», — лучшее из доказательств превращения представителей местной власти в наследственных царей¹².

Специально останавливается А. Г. Бокщанин на положении греко-македонских городов: Селевкии, Суз, Дура-Европос. Конечно, читатель не должен ожидать исчерпывающей характеристики экономической, политической и социальной жизни в этих городах, но все, что сказано об отношениях между греками и коренным населением, о системе управления, основывающейся на значительном археологическом и эпиграфическом материале. Представляют интерес замечания автора по поводу трактовки отдельных встречающихся в эпиграфике терминов советскими исследователями.

VIII глава посвящена отношениям Парфии и Рима с 30-х гг. I в. до н. э. по 69 г. н. э. (хотя она и носит название «Взаимоотношения Парфии и Рима в первой половине I в. н. э.»). Вызывает некоторое недоумение противоречивость оценки результатов римской политики на Востоке при Августе. С одной стороны, автор совершенно резонно указывает, что сам по себе факт присылки парфянским царем заложников не должен рассматриваться как превращение Парфии в полуассальное от Империи государство и что эти действия были лишь объявлены «блестящей дипломатической победой политики Августа» (стр. 164). Но несколькими строками ниже, уже в авторском тексте мы встречаем выражение «блестящий успех римской политики на востоке». В целом, однако, анализ системы внешнеполитических связей в этой главе достаточно глубок. Автор не упускает из виду и внутреннюю социально-экономическую историю обоих государств и династической борьбы у римского и парфянского трона.

В изложении войн Рима с парфиянами за Армению при Нероне автор опирается на данные Тацита, дополняя их некоторыми соображениями Диона Кассия. Может быть, именно здесь было бы уместно поставить вопрос об источниках сведений обоих писателей, так как этого не сделано в обзоре источников (глава I). Тацит, современник похода Корбулона, пользовался записками этого римского полководца. Ему были также известны сочинения Плиния Старшего и Клувия Руфа, из которых он заимствовал некоторые подробности. Рассказ Диона Кассия, восходящий к Плинию Старшему, сохраняет более древний вариант традиции, ближе к духу первоисточника, и содержит некоторые детали, отсутствующие у Тацита. Установлению этих существенных фактов мы обязаны немецкому историку

¹⁰ В. Ph. Lozinski, *The Original Homeland of the Parthians*, Mouton, 1959, со ссылками на исследования советских археологов.

¹¹ В. Lauffer, *Chinese Clay Figures*, Chicago, 1914, стр. 200, 220—224, 231, 258, 291.

¹² В. М. Массон, *Восточнопарфянский правитель Санабар*, «Нумизматический сборник», II, М., 1957.

В. Шуру¹³ и советскому исследователю О. В. Кудрявцеву¹⁴. Решение вопроса об источниках сведений Тацита и Диона Кассия позволило бы автору монографии глубже осветить ход парфянской войны 50—60 гг. I в. н. э. и, в частности, дать более критическую оценку деятельности Корбулона. Речь идет не об осуждении бессмысленной жестокости римлян (об этом в монографии говорится достаточно веско — стр. 193), а о характеристике Корбулона как полководца, в которой, как нам кажется, А. Г. Бокщанин всецело следует за Тацитом.

Важнейшим этапом взаимоотношений Рима и Парфии, было царствование Траяна, когда средиземноморские рабовладельцы предприняли последнюю серьезную попытку экспансии на Восток. Этой вспышке римской агрессии на Востоке в начале II в. н. э. посвящена специальная глава. Однако содержание главы шире чисто военных и дипломатических вопросов, охватываемых ее названием. Автор стремится выявить изменения, наступившие в социальной жизни Римской империи и соответственно — во внешней и внутренней политике господствующего класса. Связь социальной борьбы с внешней политикой наиболее отчетливо выявляется на примере иудейских восстаний, вынудивших императора отказаться от большинства завоеваний¹⁵. Развивая высказанную советскими историками точку зрения, согласно которой восстания иудеев 116—117 гг. имели не столько религиозно-этическую, сколько социальную подоплеку, А. Г. Бокщанин высказывает ряд соображений об общенсторическом значении этих восстаний и подвергает аргументированной критике взгляды исследователей XIX—XX вв., игнорировавших их значение (стр. 251). Как и в других своих работах, большое внимание А. Г. Бокщанин уделяет чисто военной стороне событий — численности войск противников, стратегическим планам, тактике, вооружению. В этих вопросах автор всегда на высоте, и суждения его отличаются завидной четкостью, хорошим знанием военного искусства и военной организации древности.

Недостаток этой интересной главы в том, что автор мало входит в сложные хронологические проблемы парфянской войны Траяна. Принятая А. Г. Бокщаниным дата отбытия Траяна из Рима вероятна, но не бесспорна, так как помимо отрывка из Арриана, на который опира-

ется автор, имеются показания монет, надписей византийского хрониста Малалы, содержащие иную дату. Разбирая точки зрения современных исследователей о дате землетрясения на Персидском Востоке (т. II, стр. 240, прим. 120), А. Г. Бокщанин останавливается на зиме 115 г., хотя имеются сведения и о землетрясении в 116 г. Путаница с датой землетрясения может объясняться тем, что была не одна, а несколько волн землетрясений. Эти и другие хронологические вопросы важны не только в плане источниковедческих штудий, но и для объяснения последовательности и взаимной связи событий Парфянской войны Траяна.

Заключительная X глава посвящена парфяно-римским взаимоотношениям во II и начале III в. н. э., т. е. со времени Адриана до царствования Элагабала, на которое падает замена монархии Аршакидов новоперсидской династией Сасанидов. К сожалению, внимание, уделенное автором этому факту, далеко не соответствует его значению. Вывод автора, что замена Аршакидов Сасанидами означала «победу в Иране новых общественных сил, переход на новый этап развития — феодально-крепостнический», не подкреплён ссылками ни на какие-либо источники, ни на чьи-либо исследования. А между тем у нас нет уверенности, что с этим выводом безоговорочно согласятся все или даже большинство специалистов. Как и в предшествующей главе, автор уделяет внимание событиям в Иудее, вновь поднимаясь на борьбу под руководством Бар-Кохбы. Развитие военных действий на границах Римской империи оказывало влияние на взаимоотношения римлян и парфян.

В освещении конфликта между Римом и Парфией, возникшего после смерти Антонина Пия, автор опирается не только на литературную традицию, весьма противоречивую, но и на эпиграфические данные, которые позволяют установить номера легионов, переброшенных с Дуная и Рейна (стр. 269). Частный для данной монографии вопрос о римском посольстве в Китай А. Г. Бокщанин тесно связывает со своей основной темой и не только отвергает сомнение в подлинности римского посольства, но полагает, что римляне сделали попытку установить союзные отношения с монархией Хань для совместного выступления против Парфии.

Стремясь объяснить уступчивость парфянского царя в переговорах с Септимием Севером, А. Г. Бокщанин касается сложного вопроса об оскудении казны Аршакидов. Его причину он видит, наряду с жесточайшими военными опустошениями, в прекращении торговли по «шелковому пути» в результате восстаний в Китае.

Не возражая против этого объяснения, как одной из гипотез, мы все же считаем,

¹³ W. Schur, Die Orientpolitik des Kaisers Nero, «Klio», XIX, 1923.

¹⁴ О. В. Кудрявцев, Источники Корнелия Тацита и Кассия Диона по истории походов Корбулона в Армению, ВДИ, 1954, № 2, стр. 188 сл.

¹⁵ См. об этом также А. Г. Бокщанин, Иудейские восстания II в. н. э., «Уч. зап. МГУ», вып. 143, 150, стр. 47.

что главной причиной финансового оскудения центральной власти был рост независимости отдельных областей, княжеств, городов, отказывавших «царям царей» в финансовой поддержке.

Высоко оценивая труд А. Г. Бокщина, можно пожалеть, что полиграфическое оформление книги не отвечает ее научной ценности. Очень много опечаток не только в греческом и латинском, но и в

русском тексте. Правда, во второй части их значительно меньше, чем в первой. Отсутствуют указатели, географический и именной. Желательно было бы видеть в приложении перечень литературных источников, надписей, папирусов, монет. Вклеенная карта имеет слишком мелкий масштаб.

А. И. Немировский

«*Studies in Honor of Benno Landsberger on His Seventy-fifth Birthday, April 21, 1965*» («*Assyriological Studies*», № 16), Chicago, 1965, 448 стр.

Когда настоящий номер ВДИ был уже сверстан, пришло известие о кончине Бенно Ландсберга, 75-летию которого посвящен рецензируемый сборник. Вместе с ассириологами, представленными в сборнике, авторы рецензии отдадут дань большим научным заслугам этого крупнейшего ассириолога современности. В течение последних 40 лет Б. Ландсбергер был непререкаемым авторитетом в своей науке. Не удивительно, что на призыв принять участие в юбилейном сборнике в честь Б. Ландсбергера откликнулись шумерологи, ассириологи и семитологи почти всех стран; многие из присланных статей являются серьезнейшим вкладом в изучение самых различных аспектов клинописной цивилизации — истории культуры, науки, права, искусств и т. д. Но, быть может, как это ни парадоксально, для историков особенно важен здесь вклад в изучение языков древнего Востока, так как ряд статей сборника посвящен самым острым и большим проблемам шумерской и аккадской грамматики, до выяснения которых иной раз могут быть поставлены под серьезное сомнение и немаловажные исторические выводы из текстов. В целом сборник представляет собой как бы всю современную ассириологию в разрезе и дает представление о том, какие вопросы в области истории культуры и филологии древней Месопотамии в настоящее время ставятся и разрешаются. Чтение сборника дает одновременно и известную картину самого характера древнемесопотамской культуры. С другой стороны, — и это характерно для западной ассириологии, — почти совершенно отсутствуют в сборнике работы собственно исторического и в особенности социально-экономического содержания. Тем не менее состав сборника столь разнообразен, что написать на подобный том компетентную рецензию отдельному ученому не под силу, поэтому, чтобы дать читателю представление о том новом, что рецензируемая книга вносит в науку, была привлечена целая группа

специалистов (В. К. Афанасьева, И. М. Дьяконов, И. Т. Канева, Г. Х. Каплан, С. М. Кашкай, И. Ш. Шифман, В. А. Якобсон и Н. Б. Янковская). После рецензии на каждую из статей обозначены инициалы рецензента.

М. Civil, *New Sumerian Law Fragments* (стр. 1—12 и табл. I—IV). Публикация (автографии, транслитерации, перевод и комментарии) нескольких текстов, хранящихся в музее Пеннсильванского университета и содержащих важные дополнения к текстам Законов ЛипитИштара¹. Первая часть работы посвящена группе текстов, содержащих дополнения к статьям, касающимся семейного и наследственного права и различных правонарушений в отношении женщин, а также правил найма скота, вторая часть — публикация текста в 15 строк (часть сильно поврежденной таблицы), который автор довольно убедительно относит также к ЗЛИ. Текст содержит шесть статей (наем скота, наследственное право, насилие над беременной женщиной). Третья часть статьи посвящена публикации новых фрагментов к уже известным статьям о найме скота. Во всех случаях автор отмечает параллели с ЗХ. — В. Я.

О. R. G u r n e y and S. N. K r a m e r, *Two Fragments of Sumerian Laws* (стр. 13—19). Автографическая копия, транслитерация и перевод (с комментарием) двух фрагментов, которые, по мнению авторов, являются частями одного текста (но разных табличек?). Авторы полагают, что этот текст представлял собой школьную копию Законов УрНамму, выполненную в одной из урских «академий» (6-dub-ba) около 1750 г. до н. э. Хотя из 39 статей текста сохранилось только 12, однако значение нового издания очень велико, ибо оно существенно дополняет имевшиеся до сих пор сведения о Законах УрНамму.

¹ См. ЗВАХ — ВДИ, 1952, № 3, стр. 219.

Вместе с тем следует заметить, что транслитерация и перевод § 1, как они даны авторами, нуждаются, с нашей точки зрения, в исправлениях. Так, *dam-guruš* (стк. 2) следует переводить не «wife of (a man's) guruš-slave», а просто «жена мужа, жена (молодого) человека»². В стк. 8 *UŠ-ba* не следует читать *arad* (!?) -ba и переводить «that slave». Такой перевод невозможен грамматически, так как *UŠ* здесь не может быть подлежащим (*UŠ-ba* < **UŠ-bi*-а местный падеж), а знак *UŠ* следует читать *giš* «согре» (как *pomen actionis*). Тогда перевод § 1 будет таков: «Если жена мужа по своей воле за мужчиной пойдет (и) на лоно ее он возляжет, женщина эта будет убита. От совокупления этого (в оригинале локатив! — В. Я.) — освобождение (от него) он (т. е. мужчина. — В. Я.) получает (букв. установит)». Такой перевод хорошо согласуется с законодательной практикой древности (ср., например, САЗ, А (III), § 14). — В. Я.

E. Sollberger, A Three-Column *Silbenvokabular A* (стр. 24—28). Публикация таблички BM 13902, являющейся копией учебного текста старовавилонского времени. Небольшой и неточно воспроизведенный отрывок этого текста был в свое время отождествлен Б. Ландсбергером с так называемым *Silbenvokabular A*. Последний является вариантом текста *Silbentalphabet A* — старовавилонского перечня простейших шумерских двузначных логограмм (отчасти со значением имен собственных), расположенных в каноническом («алфавитном») порядке. В *Silbenvokabular A* этот же перечень сопровождается столбцом толкований. Прежнее отождествление издаваемого автором текста оказалось не вполне правильным, так как он состоит не из двух, а из трех столбцов (столбец логограмм и два столбца толкований), причем толкования в каждом из столбцов не только не совпадают, но нередко и совершенно противоречат друг другу, а иногда кажутся результатом произвольных домыслов писца. При этом как в *Silbenvokabular A* Б. Ландсбергера, так и в настоящем тексте, толкования объединяются в семантические группы (несмотря на «алфавитный» характер расположения толкуемых логограмм). Автор дает транслитерацию текста и подробные построчные комментарии. Этот своеобразный и не до конца понятный памятник старовавилон-

ской учености требует дальнейшего изучения. — И. Д., И. К.

J. Nougayrol, «Vocalises» et «syllabes en liberté» à Ugarit (стр. 29—39). Публикация текстов типа *Silbentalphabet A* и *Silbenvokabular A* из Угарита, в том числе перечня слогов, содержащих гласные *u*, *a* и *i* при одинаковых согласных. Имеют несомненное значение для теории и истории силлабического письма. — И. Д.

Muazzzez Çiğ and Hatice Kızılay, Additions to Series B and C of Personal Names from Old Babylonian Nippur (стр. 41—56). Публикация старовавилонских «словарей» (перечней) личных имен собственных, расположенных приблизительно в каноническом («алфавитном») порядке знаков (*Silbentalphabet B = Personnamen-Liste B* и *Liste C*; последний, по-видимому, оканчивался похвалой Нисабе, богине хлеба и пшечного искусства). — И. Д.

I. J. Gelb, The Philadelphia Onion Archive (стр. 57—62). Исследование хранящегося в музее Пеннсильванского университета архива документов о выдаче лука и чеснока, восходящего ко времени аккадского царя Нарам-Сина. Тексты написаны по-шумерски. Автор уточняет значение ряда терминов: *sum* «лук (?)» (обычно переводят «чеснок»), *sum-sikil* «чеснок (?)» (обычный перевод «лук»), *sum-gaz* «вид луковичного растения» (не «толченый лук»), *ga-raš^{SAR}* «порей»; *NI-ga* (по А. Даймелю — род. п. от *NI* «(кунжутное) масло») «мера емкости в 4 UL = 240 sila»; *nag-kud* «корыто»; *sar* «овощи»; *ku₆-sar* «рыба с луком и чесноком» (распространенное в Двуречье блюдо). Выдачи лука представляли собой не ба «регулярные выдачи зависимому рабочему персоналу», а (*še*-) *ku₆-ga* «кормление (для свободных)». Согласно части документов, лук выдавался «господам» (*lu-en*; автор сравнивает выдачу лука на культ *en-en* «господ», т. е. статуй предков, в досаргоновском Лагаше), по другим документам — на жертвы богам, а также к столу царя и крупных чиновников — *ensi* и др. — и в связи с отъездами и приездами царя, царских родственников и *ensi*. Выдача осуществлялась должностным лицом — «начальником овощей» (*gal-sar*) под наблюдением контролера — *maškim*.

Автор подчеркивает, что «избрал столь низменный предмет для исследования в виде скромного выражения протеста против таких эзотерических и, при современном состоянии наших знаний, видимо, бесплодных занятий, как изучение проблем воскресения Таммуза и шумерской веры в загробную жизнь. Дело не в том, что важнее — изучение грамматики, словаря и материальной культуры, или же вопросов теологии и метафизики. Дело только в очередности. Поскольку все

² Термин **guruš* применялся при III династии Ура только к государственным, но не к частным рабам. В то же время этот термин применялся и независимо от всякой социальной окраски, в значении «муж, молодой, полный сил человек». См. дискуссию по поводу этого термина между академиком А. И. Тюменевым и И. М. Дьяконовым (ВДИ, 1948—1949 гг.).